

ПОНИМАНИЕ СМЫСЛА ИЛИ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Проблема понимания смысла была темой изучения многих исследователей в рамках формальной семантики, лингвистики, психологии, социологии, теории информации и коммуникации, теории искусства и т. д.¹ Не имея возможности в краткой статье пересказать и перечислить все эти попытки, автор ставит своей задачей дать свою трактовку в свете задач построения методологии гуманитарного знания.

Как писал французский поэт Поль Валери, «...стоит нашей душе очиститься от всякого мнимого, отказаться от всяческих ложных прибавок к *сущему*, и бытие наше тотчас столкнется с опасностью такого холодного, точного, здорового и бесстрастного рассмотрения человеческого жизни, такой, как она есть... Именно страх быть таким, как он есть, заставил его сотворить себе, нарисовать для себя мириады личин; больше ничем нельзя объяснить существование смертных. Но для чего же смертные созданы?... Их назначение — *понимать*. Понимать? Но что это значит?... *Понимать означает одно: быть не тем, что ты есть...* И вот люди мыслят и грезят, внося в природу источник бесчисленных заблуждений и сонмы чудес»². М. М. Бахтин рассматривал «понимание» как «превращение чужого в «свое-чужое»³. Он расчленил понимание на ряд отдельных актов: 1) психофизиологическое восприятие физической стороны знака; 2) *узнание* его (как знакомого или незнакомого; 3) понимание его *значения* в данном контексте (лишь бы и более далеко); 4) диалогическое понимание (спор — согласие) и включение в диалогический контекст⁴.

Проблема «понимания» приобрела особенную актуальность в начале XIX века благодаря Фридриху Шлейермахеру, который в течение двадцати лет переводил тексты Платона на немецкий язык, накопил большой опыт понимания и истолкования трудных текстов и обобщил

¹ См.: Тульчинский Г. Л. В каком смысле возможна теория смысла (постановка вопроса) // *Философские основания научной теории*. Новосибирск, 1985. С. 108.

² Валери П. Об искусстве. М., 1976. С. 250—251.

³ См.: Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 371.

⁴ Там же. С. 361. См. также нашу статью: Пивоев В. М. Рациональное и иррациональное в методологии гуманитарного знания // М. М. Бахтин и проблемы методологии гуманитарного знания. Петрозаводск, 2000. С. 7-27.

свой опыт истолкования «чужого» текста в специальной науке *герменевтике*. Предпосылки этой науки созрели в практике комментирования Законов Моисея, в александрийской «грамматике», в средневековой схоластике и экзегетике. Но отцом герменевтики как науки считается Ф. Шлейермахер.

Его идеи продолжил В. Дильтей, обратив внимание на методологические подходы в психологии. *Объяснительная* психология ориентируется на требования и познавательные средства естествознания и стремится «объяснить уклад душевного мира с его составными частями, силами и законами точно так, как химия и физика объясняют строение мира телесного»⁵. Она стремится подчинить явления душевной жизни причинной связи, взяв за основу ограниченное число исходных психических элементов (ощущения, чувства). Такая психология представляет собой «учение о душе без души», она неспособна проникнуть в духовную ценность человека, понять человеческую индивидуальность.

Описательная психология, согласно В. Дильтею, строится на противоположных основаниях. Она исходит из непосредственной данности субъекту внутреннего опыта, который изначально представляет собой живую связь и целостность. «Если природу мы объясняем, то душевную жизнь понимаем». Предметом описательной психологии «должны являться развитой человек и полнота готовой душевной жизни. Последняя должна быть понята, описана и анализирована во всей целостности ее»⁶.

Эти идеи продолжил Г. Риккерт: «...Смысл, присущий акту оценки, с одной стороны, не психическое бытие, ибо он выходит за пределы простого бытия, указывая на царство ценностей. С другой стороны, это не ценность, ибо он только указывает на ценности. И, наконец, именно благодаря своему среднему положению он связывает вместе оба разделенные царства ценностей и действительности. Соответственно этому и истолкование смысла (*Sinndeutung*) не есть установление бытия, не есть также понимание ценности, но лишь постижение субъективного акта оценки с точки зрения его значения для ценности, постижение акта оценки как субъективного отношения к тому, что обладает значимостью. Таким образом, подобно тому, как мы различаем три царства: действительности, ценности и смысла, следует также различать и три

⁵ Дильтей В. Понимающая психология // Хрестоматия по истории психологии / Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М.: 1980 С. 258.

⁶ Там же. С. 267.

различных метода их постижения: объяснение, понимание и истолкование»⁷. Для него смысл есть «единство ценности и действительности». При этом, он не отождествлял их, полагая, что действительность объективна, а ценность имеет субъективное основание, смысл действительности может быть раскрыт лишь с точки зрения ценностей.

Проблема понимания приобрела особенную важность в связи с осознанием уникальности внутреннего опыта индивида в Новое время и невозможности полного и адекватного понимания «чужого» сознания. Каждый человек, стремясь к коммуникативному контакту с Другим, пытается втиснуть свой неповторимый опыт осмысления мира в прокрустово ложе языка, какой-либо знаковой системы. На этом «пороге» перехода неизбежны потери, потому что знаковая система (язык) является отражением усредненного опыта социума, множества индивидуальных сознаний без учета индивидуальных особенностей, то есть язык — это единство многообразия культурного опыта этноса. В китайской «Книге перемен» есть такое высказывание: Учитель сказал: «Письмо не до конца выражает речь, как речь не до конца выражает мысль. Но если это так, то не были ли неизреченными до конца мысли совершенномудрых людей». Об этом же в сердцах высказался Ф. И. Тютчев:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.

Ему вторил А. А. Фет:

Как беден наш язык! Хочу и не могу, —
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди прозрачною волною.
Напрасно вечное томление сердец,
И клонит голову маститую мудрец
Пред этой ложью роковою.

Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души и трав неясный запах;

⁷ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 36.

Так, для безбрежного покинув скудный дол,
Летит за облака Юпитера орел,
Сноп молнии неся мгновенный в верных лапах.

После воплощения сообщения в знаковую систему рождается «текст» как культурный феномен, носитель осмысленного опыта. Вслед за этим возникает новая проблема: как Другому понять этот текст, это сообщение, и извлечь из него смысл? Начинается вопрошание о смысле. Вильгельм фон Гумбольдт писал, что «люди понимают друг друга не потому, что передают друг другу знаки предметов, и даже не потому, что взаимонастраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено цепи чувственных представлений и начатков внутренних понятий, прикасающихся к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы...»⁸.

Реципиент (получатель сообщения) отправляется в свое сознание, в коридоры памяти, где зафиксирован его собственный уникальный опыт, и пытается там обнаружить смысловые аналоги, сопоставив с которыми текст, можно понять его смысл. Процесс понимания заключается в том, что мы как бы «вспоминаем» то, что уже знаем. Поэтому Платон и выдвинул когда-то свою теорию «вспоминающего знания». Согласно ей, человек не может узнать ничего нового, что бы он не знал до своего рождения. Но, по существу, дело не сводится только к «узнаванию знакомого в незнакомом» (Аристотель), ухватываясь за знакомое, человек осваивает и незнакомое, находящееся в связи со знакомым, и вписывает его в систему «своего» мира, соотнося «чужое» со своими потребностями.

Ф. Шлейермахером были сформулированы следующие правила понимания текста: 1) «*Герменевтический круг*» — заключается в последовательном переходе от целого к части и от частей к целому. Подходя к изучению текста, реципиент руководствуется некоторым предзнанием, пред-убеждением и пред-рассудком и исследует его последовательно по частям. Затем, исходя из осмысления частей, формирует понимание целого, которое позволяет ему вновь вернуться к началу текста и прочитывать его более глубоко, чем при первом осмыслении,

⁸ Гумбольдт В. фон. Введение к труду о языке кави // Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 165—166.

когда какие-то существенные детали могли пройти незамеченными. Такое прочтение даст более глубокое понимание целого, что приведет к приросту глубины смысла, позволяющему вновь вернуться к началу и так далее. 2) *Компаративный (сравнительный) метод* — заключается в понимании текстов через сравнение с другими текстами той же эпохи, что позволяет обнаруживать смыслы слов или «темных мест», не объясненных в данном тексте терминами и выражениями. 3) *Метод «дивинации»*, или вживания, — при этом рекомендует вжиться в образ автора, в культурный «горизонт» его эпохи, а затем добавить «горизонт» своей эпохи, это должно помочь понять текст лучше, чем понимал его автор, поскольку интерпретатор вооружен большим культурным опытом, нежели автор. При этом обнаруживаются новые смыслы, возникающие в контексте нового опыта, или благодаря интертекстуальным связям⁹.

Современная философская герменевтика представляет собой важную дисциплину гуманитарного знания. «Задача герменевтики, — по словам французского философа XX века Поля Рикера, — показать, что существование достигает слова, смысла, рефлексии лишь путем непрерывной интерпретации всех значений, которые рождаются в мире культур; существование становится самим собой — человечески зрелым существованием, лишь присваивая себе тот смысл, который заключается сначала «вовне», в произведениях, установлениях, памятниках культуры, где объективируется жизнь духа»¹⁰.

Итак, герменевтический подход направлен на решение проблемы понимания, которая возникла в начале XIX века вслед за осознанием уникальной неповторимости индивида, что помогло понять сентименталисты и романтики. Отсюда возникают трудности, или пороги, которые преодолевает автор, стремящийся к коммуникативному контакту с публикой. Первый *порог адекватного самовыражения* связан с тем, что уникальная неповторимость опыта внутренних состояний субъекта не может быть совершенно точно выражена ни в одной знаковой системе, и тогда автору приходится втискивать свои переживания в «прокрустово ложе» языка, «обрубая» излишки (о чем говорит упомянутая формула Ф. И. Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь», или нечто похожее у даосов: «Кто знает, не говорит, кто говорит — не знает»).

⁹ Шлейермахер Ф. Герменевтика // Общественная мысль: исследования и публикации. 1993. Вып. IV. С. 224-236.

¹⁰ Рикер П. Конфликт интерпретации. М., 1995. С. 34.

Второй *порог адекватного понимания* возникает, когда реципиент получает текст и пытается его понять. Но ведь он не имеет в точности того же опыта, который пережил субъект, автор текста. Поэтому абсолютно точного прочтения текста достичь невозможно. Читатель пытается отыскивать в своей памяти приблизительные аналоги, схожие переживания и опыт. Если он найдет их, тогда он сможет понять текст, соотнеся знаки текста со своими переживаниями. Если же такого опыта в его багаже не было, и он не сможет обнаружить «знакового в незнакомом», то понимания текста не произойдет. При этом возможно вычитывание из текста такого содержания, что автор в него не вкладывал.

Сторонники «пуризма», правда, отвергают такое привнесение извне смысла в текст, полагая это недопустимым. Так, специалисты по творчеству Ф. М. Достоевского считают, что размышления Г. Померанца о Достоевском в его книге «Открытость бездне» слишком много приносят своего, личного, к Достоевскому не имеющего отношения. В свое время Льва Шестова часто упрекали, что он приписывает тем авторам, о которых пишет, свои идеи и размышления. Тот отшучивался, что, мол, не настолько гениален, чтобы все это мог выдумать сам.

А. Л. Никифоров предлагает различать субъективный и объективный смыслы. Первым он считает личностный мотив (интенцию), под вторым он понимает физическую активность, приводящую к социальным значимым следствиям, т. е. социальное значение действия.

Слово «понять» происходит от древне-русского «ять» (2т[— взять, брать, схватить, овладеть). Как правило, при этом речь идет о понимании *смысла*.

Фундаментальным свойством человека является способность сознания, которая задает человеку потребность рефлексии, отдавания себе отчета о себе и своей деятельности, опережающего отражения и предвидения последствий деятельности человека. Все это порождает представление о смысле каждого нашего действия.

М. М. Бахтин отмечал, что смысл это то, что отвечает на какой-то вопрос. Если нечто ни на какой вопрос не отвечает, то оно лишено смысла. Человек обычно работает ради заработка, чтобы обеспечить свою семью; он ест, потому что испытывает чувство голода; гуляет и беседует с друзьями, потому что испытывает потребность общения с ними; смотрит телевизор, чтобы узнать, что творится в мире. Все эти действия могут получать оправдание и объяснение, то есть имеют смысл, ибо связаны с жизнью человека и удовлетворением его потребностей. М. М. Бахтин возражал против одномерного истолкования

«понимания»: «Нельзя понимать понимание как вчувствование и становление себя на чужое место (потеря своего места)»¹¹, — смысл многомерен, он проявляет себя в столкновении с иными, чужими смыслами, в диалоге с «чужим» сознанием.

Таким образом, **понять** означает:

- 1) «схватить» умом, *уяснить смысл* посредством понимания;
- 2) обнаружить смысл как *мотив и причину* поступка или действия;
- 3) обнаружить *сущность* вещи, или *смысл*, главное предназначение;
- 4) *выявить* и *усвоить* смысл, имеющийся в объекте (так, молоток — инструмент для забивания гвоздей);
- 5) *приписать* смысл, привнести в объект смысл, которого в нем до того не было (молоток как груз для придавливания бумаг от сквозняка), *изменить, создать* новый смысл или *наделить смыслом* то, что смыслом не обладало, ибо понимать может лишь субъект («творчество всегда связано с изменением смысла») ¹²;
- 6) обнаружить смысл как *целесообразность*, подчиненность цели;
- 7) выявить *системность* и единство организации мира («нельзя стать смыслом, не приобщившись единству, не приняв закон единства») ¹³;
- 8) найти *организующий принцип*, ориентир;
- 9) обнаружить *последовательность* и логичность;
- 10) уяснить *содержание* текста, смысл информации;
- 11) найти «*ответ на вопросы*» («то, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла») ¹⁴;
- 12) превратить чужое в «*свое-чужое*» ¹⁵;
- 13) выявить связь с *потребностью* и через эту связь определить ценностный смысл (см. рис. 1);
- 14) не только получить знание, но и проявить *соучастие, сопереживание, сочувствие* смыслу другого субъекта (отсюда возможна морально-правовая оценка поступка: или обдуманное преступление, или бездумная халатность);

¹¹ Бахтин М. М. Из записей 1970-1971 годов // Эстетика словесного творчества. С. 346.

¹² Там же. С. 342.

¹³ Бахтин М. М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества // Собр. соч. М., 2003. Т. 1. С. 28.

¹⁴ Бахтин М. М. Из записей 1970-1971 годов. С. 350.

¹⁵ Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук. С. 371.

15) осознать бесконечность смысла («смысл потенциально бесконечен, но актуализироваться он может, лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом»)¹⁶.

Рис. 1

Смысл, обнаруживаемый в процессе понимания, имеет объективный статус тогда, когда аналогичный смысл может быть извлечен из данного текста другим реципиентом на основе общеизвестных герменевтических процедур. Но если его способен извлечь только один субъект, опираясь только на ему одному известные основания, то он не получает объективного статуса, но лишь субъективно-объективный (при условии, что этот субъект готов поручиться, что он реально его обнаруживает), и верификация этого не может быть проведена.

Таковы основные задачи, решаемые в процессе интерпретирующего понимания текста в гуманитарном знании.

¹⁶ Бахтин М. М. Из записей 1970-1971 годов. С. 350.